Состоялись два концерта Татьяны и Сергея Никитиных в Швейцарии

Фото Элины Неустроевой

В Швейцарии уже выросло поколение, которое может не знать имен дуэта Никитиных, но стоит упомянуть название песен или кинофильмов, насвистеть мелодию, как юнцы начинают улыбаться — мамы-папы, родившееся в Советском Союзе, слушают «музыку Никитиных» и здесь. Сергей Яковлевич Никитин — физик и композитор — пишет музыку на стихи классиков и просто хороших поэтов: «Под музыку Вивальди», «Брич-Мулла», «Александра», «Когда мы были молодые», «Резиновый ёжик»... Заслуженный деятель искусств России.

Татьяна Хашимовна Никитина — физик и певица — с 1968 года поет в дуэте с Сергеем Никитиным, она была заместителем министра культуры РФ (1992 –1994 гг.), в 2003 году получила звание заслуженной артистки РФ. Дуэт Никитиных явление уникальное, не только в музыкальном плане, но социальном и политическом. Никитины — это часть современной истории, это явление советской и постсоветской культуры, это удивительная пара умных, обаятельных и талантливых людей.

Вырученные средства от концертов в Швейцарии пошли в благотворительный фонд Никитиных, который оказывает посильную помощь обездоленным и больным детям, не только предоставляя денежные средства буквально для выживания и оказания им медицинской помощи, но и предоставляя детям возможности найти будущую профессию и свое место в обществе.

http://www.aboutswiss.ch/articles/culture-sport/prikhodit-vremya-vesennego-tango/

==========

Татьяна и Серней дали большое интервью после концертов в Швейцарии

«Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли»

Физика и музыка. Как в вас уживаются или уживались эти два безумно интересных мира? Можно ли отделить один от другого?

С. Никитин: Хм… Это большой вопрос… Когда я учился в школе, проблемы выбора не было. Я хотел, как и старшая сестра, поступить в Московский авиационный институт. Мне нравились друзья сестры, студенты МАИ. Но в МГУ экзамены были на месяц раньше, и я поступил туда. Уже на подготовительных курсах уравнение движения тела, о существовании которого мне там рассказали, показалось мне просто революционным событием…

А когда попалась книжка Абраама Моля «Теория информации и эстетическое

восприятия», я понял, что стык науки и музыки мне интересен. Теория относительности и космология меня тоже интересовали, как и всех юношей. В итоге я пришел на кафедру акустики, соединив физику и музыку, и дипломную работу делал в консерватории: «Роль временной огибающей в процессе распространения звука»…

То есть музыка уже была в жизни до физфака МГУ?

С. Никитин: Была гитара. Это было хобби. Вопроса, где учиться, не было. Физиков любили, физиков уважали. Быть физиком было престижно. Достаточно вспомнить «Девять дней одного года» (известный советский художественный фильм 1962 года Михаила Ромма, сюжет которого основан на реальных событиях из жизни физиков-ядерщиков — прим. ред.). Это были наши кумиры, наши герои…

Т. Никитина: Две сестры учились музыке, а Сережа под столом выпевал мелодии, которые они играли дома, и учитель музыки говорил: «На него надо обратить внимание!»

С. Никитин: Еще в школе я понимал, что такое темперированный строй…

То есть все началось очень рано, и с образования?

Т. Никитина: С самообразования. Тогда оно началось, продолжается до сих пор.

И на физфаке жить без музыки было уже нельзя?

С. Никитин: Я уже пел и играл. Окуджаву. Все началось с Окуджавы. А «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне» в шутку написал Борис Слуцкий, и, в общем, это все журналистские штучки — про физиков и лириков. Надуманная проблема, но живучая. Нет противоречия! Никакого! Активность в одном полушарии человеческого мозга порождает активность другой! Когда я работал над диссертацией в Пущине, увлекался Шпаликовым, написал много песен… Когда умудрялся делать, сам удивляюсь.

В конце концов, занятие искусством и занятие наукой — это познание человека.

Т. Никитина: Познание мира… Это что касается Сережи. Я же как птица живу. Как судьба повернулась, связав меня с Сергеем, так и живу. Я никогда раньше не пела, никакими «такими глупостями» не занималась, хотя музыкальную школу закончила, сольфеджио изучала, на фортепиано играла. Но у меня все на уровне интуиции — пою по слуху... И если у Сергея врожденная постановка голоса, гибкость, то мне до всего это приходилось добираться. Я из самодеятельности, а Сергей сразу был профессионалом…

С. Никитин: Не бывает сразу профессионалов!

Т. Никитина: Он сразу был профессионалом! И он всю жизнь учился, и продолжает учиться. А я в фарватере следую. Тем не менее есть во мне какой-то камертон, и Сергей и сын к нему прислушиваются. Я могу сказать, что хорошо, что плохо, что категорически не годится… Иногда ссоримся. Вот «Александра»! Сколько вариантов было?! Пока не пришли к тому, что в конце концов получилось. Я сказала: да, вот это да! Иногда я графически вижу песню, представляю мелодию… От поэтического слова очень много идет, читаю стихи и где-то внутри слышу интонацию. Могу сказать, что я помогаю в театрально-артистическом решении того или иного произведения.

С. Никитин: А в чем, собственно, был вопрос про физику и лирику?

Вопрос, связанный с жизненным и профессиональным выбором. О важности получения образования каждому, кто хоть чуточку занят устройством или изменением мира, страны, фирмы, огорода, семьи… В частности, о важности изучения физики лирикам, и наоборот.

Т. Никитина: Физическое образование — это формирование мировоззрения, формирование взаимоотношения с миром. Я проработала несколько лет в управленческом аппарате, в частности была замминистра культуры страны — это другая система мышления… А физики могут практически все. Может быть, не все могут сочинять музыку, не все могут литературно оформить свою мысль... Но с точки зрения систематического, управленческого мышления — физики могут. И развить в себе физики могут очень многое. Конечно, все определяют и способности человека или его талант.
Вы спросили о профессии. То, что Сергей не стал членом Союза композиторов, это вопрос только его неорганизованности. Сергей — профессиональный композитор, без вопросов. Стала ли я профессионалом? Нет! У меня нет уверенности в себе, и дрожь в коленках не пропадает перед выходом на сцену во время серьезных концертов. Зал может поплыть из-под ног…

А Вы пели, когда работали в управленческом аппарате?

Т. Никитина: Меньше. Мы пели меньше. Однажды на гастролях в Израиле приходит записка: «Как Вам не стыдно? Вы — замминистра, а выступаете с концертами…» В

Советском Союзе это было невозможно! Замминистра поехала куда-то с концертом выступать!? Как Клинтон, например, который мог выйти и где-то на саксофоне сыграть — это ситуация не из Советского Союза.

Вопрос о профессионализме относился и к нашей, швейцарской действительности. Ленинский тезис «любая кухарка может управляет государством» и тема «женского вопроса», то есть сам вопрос не о политическом равноправии, а о правах в других областях, даже закрепленных в конституции страны, все еще остается для Швейцарии открытым. Вопрос профессионализма, образования актуален. Очень. Для многих русскоговорящих, здесь живущих. Что есть профессионализм?

С. Никитин: В чем успех Татьяны на посту заместителя министра? В той обстановке, когда людьми руководят личные интересы, вдруг приходит человек с нормальным здравым смыслом и пытается принести посильную пользу делу. Одна эта постановка вопроса выделяет его на десять голов среди других… А если человек-физик, и привык решать задачи, смотреть в корень явления и находить рациональное и простое решение проблемы, исходя из граничных условий и конечных целей? Это только помогает делу, если человек хочет принести при этом пользу.
Но он становится белой вороной, и среда его исторгает.
А физика и музыка? Можно и так ответить: физика помогала мне разобраться с музыкальным инструментом и звуком, с гармониками колебательной системы. Решить вопросы восприятия «звуковой картинки».

А это нужно музыканту?

С. Никитин: Нужно.

С. Никитин: Математики и физики решают задачу от прецедента — сводим задачу к известному и получаем решение. Но продвижение и прорыв происходит там, когда ты выходишь за рамки обыденного, каких-то правил, и идешь против теорий и правил.

Т. Никитина: И достигаешь тем не менее каких-то результатов.

С. Никитин: И здесь огромную роль играет интуиция. То же в художественном творчестве. Как только ты пошел против обыденности, как только ты попытался прорваться за привычное. Только тогда можно что-то открыть свое, а не так, как это уже сделал Чайковский или Прокофьев.

Вопрос по поводу интуиции. Вы решили, что произведение завершено. А публика всегда с Вами согласна?

С. Никитин: Публика должна верить, все предъявленное ей должно быть убедительным. Для этого нужно быть самому убежденным.

Т. Никитина: Вопрос с публикой сложный. Мы много лет растили свою публику, мы отбирали ее. Публика к нам приходит с доверием. Мы целую жизнь поем «Под музыку

Вивальди» — популярная вещь, а когда исполняли ее первый раз, не было большого успеха.

С. Никитин: Потому что было неубедительно!

Т. Никитина: Нет, не только! Это была необычная вещь для «бардовского жанра», мы начали от него уходить и сделали первый шаг. Неожиданный. Так бывает — когда неожиданно, публика замирает! Но к этому нужно приучать. И поднимать планку, мы этим занимались всю свою жизнь. Я хорошо помню, когда мы впервые спели «Переведи меня через Майдан», я помню лицо Булата Окуджавы. Он был белый как полотно, он был так взволнован, даже потрясен. Потому, что это было вне жанра. Это было драматическое произведение, которое выходило за рамки «нашего» жанра. Так было всегда, когда произведение уходило в сторону или выше. Мы приучали не только публику, слушателей, но кумиров наших.

Т. Никитина: Поэтому мы прежде всего внутри нас должны договариваться. Например, помните Бараташвили «Синий цвет»? Сергей считал песню своей неудачей, а я заставила Сергея петь. Просто заставила! И первый раз он пел в кругу наших друзей. Внутреннее соглашение, доверие — важно. Но бывает, и мы ссоримся и не доверяем друг другу.

Как вы выбираете программу к концертам? Интуитивно?

С. Никитин: Мы не делаем специальных программ. Она постепенно перетекает из одного в другое.

Т. Никитина: Чем мы живем сегодня, то и выносим на публику.

С. Никитин: Программа пятилетней давности отличалась от сегодняшней. Но есть ключевые моменты в программе, где есть определенные песни. Или мы берем другую на роль смыслового, драматического или юмористического акцента.

Почему вы не обмолвились на концерте о вашем фонде?

Т. Никитина: Мы редко говорим о нем. Кто может помогать — помогает, на нашем сайте информация есть.

С. Никитин: А у нас еще есть инстинкт самосохранения. Мы могли раскрутить фонд, но это требует безумных временных и административных затрат, поэтому мы предпочитаем иметь только несколько точек приложения и по мере сил работаем. Мы помогаем приюту «Незнайка»…

Т. Никитина: Нам доверяют, знают, что мы не воруем, и через нас дают деньги. У нас был еще под покровительством интернат для слепых детей, привлекли и к ним внимание…

Мы помолчали, я выключила диктофон, но вопросы, как поток весеннего ручья, нахлынули, и ответы унесли уже в новый разговор: о странах и языках, о поэзии Бориса Рыжего и театре Фоменко, о российской интеллигенции и русских, живущих за границей, о тревоге и страхе за страну, которую любим и только в которой у Сергея Яковлевича рождается музыка, а у Татьяны Хашимовны находятся нужные стихи к каждому времени
года. «Чем же все это окончится? — Будет апрель…»

Гостиная

«И теперь, когда достиг я вершины дней своих»

На вопрос «Что происходит на свете?» Никитины отвечают уже не одно десятилетие. И все это время в верно их ответам. Каждому слову, взгляду, движению. Проходит время... и приходит время. На дворе опять весна, и музыка Никитина звучит во всем русскоговорящем мире. Она живет во мне со дня моего рождения — тогда Никитины уже пели. Основания не доверять им у меня никогда не было, и потому, что они всегда находили нужные слова, и потому, что они физики. Физика — это истина, и только физики и поэты объясняют людям основы основ: «И все не то, и все не так, но что есть „то" и „так"?». Или только напоминают, что без основы жить невозможно.

«Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли»

Физика и музыка. Как в Вас уживаются или уживались эти два безумно интересных мира? Можно ли отделить один от другого?

С.Никитин: Как... Это большой вопрос... Когда я учился в школе, проблемы выбора не было. Я хотел, как и старшая сестра, поступить в Московский авиационный институт. Мне нравились друзья сестры, студенты МАИ. Но в МГУ экзамены были на месяц раньше, и я поступил туда. Уже на подготовительных курсах уравнения движения тела, о существовании которого мне так рассказали, показалось мне просто революционным событием...

А когда попалась книжка Абрамма Моля «Теория информации и эстетическое восприятие», я понял, что стих, наука и музыка мне интересны. Теория относительности и космология меня тоже интересовали, как, и всем книгам. В итоге я пришел на кафедру акустики, соединяя физику и музыку, и дипломную работу делал в кинематографии. «Роль временной огибающей в процессе распространения звука»...

То есть музыка уже была в жизни до физфака МГУ?

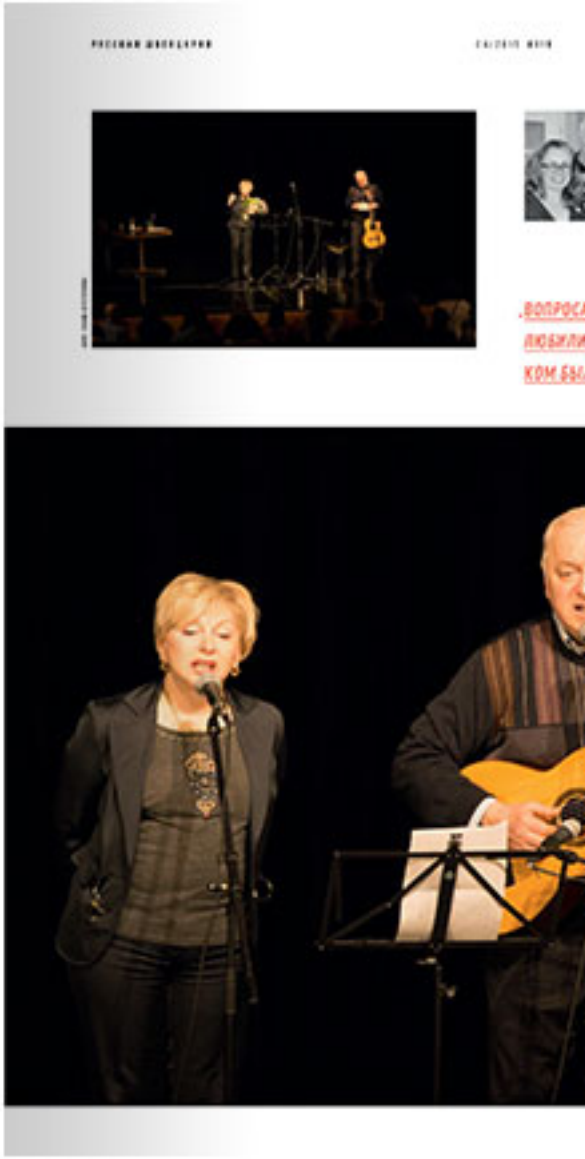
С.Никитин: Были гитары. Это было хобби. Всюду я, где учиться, не было. Физиков любили, физиков уважали. Быть физиком было престижно. Достаточно вспомнить «Девять дней одного года» (известный советский художественный фильм 1962 года Михаила Ромма, сюжет которого основан на реальных событиях из жизни физиков-ядерщиков — прим. ред.). Это были наши кумиры, наши герои...

Т.Никитина: Две сестры учились музыке, а бурсаки под столом напевали мелодии, которые они играли дома, и учитель музыки говорил: «Не хотите вы обучить пианино?»

С.Никитин: Еще в школе я понимал, что такое темперированный строй...

Итак, все началось очень рано, и с образования...

Т.Никитина: С самообразования. Тогда оно началось, продолжается до сих пор.



«Хорошо всего хотеть,
<...> гордой славиться победой»

И на фортепиано жить без музыки было уже нельзя?

С. Никитин: Я уже пел и играл. Сочиняю. Все вычитаешь с Окуджавы. А «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне» в шутку написал Борис Слуцкий, и, в общем, это все журналистские штучки — про физиков и лириков. Надуманная проблема, по-жизни. Нет противоречий! Никакого! Активность в одном полушарии человеческого мозга порождает активность другой? Когда я работал над диссертацией в Пушкине, увлекался Шпалинским, написал много песен. Когда умудрялся делать сам удавлялось. В каждом концерте, занятии искусством и занятии наукой — это внимание человека...

Т. Никитина: ...Большие миры... Это что касается Сергея. Я же как отсюда живу. Как судьба повернулась, сначала жила с Сергеем, так и живу. Я никогда раньше не пела, занимаясь «сольным пением» не занималась, хотя музыкальную школу закончила, сольфеджио изучала, на фортепиано играла. Но у меня все на уровне интуиции — оно по слуху... И если у Сергея врождённая постановка голоса, гибкость, то мне до всего это приходилось добираться. Я из семьи медиков, а Сергей сразу был профессионалом...

С. Никитин: Не бывает сразу профессионалов!

«Москва тревог не прятала,
Москва видала всякое»

Т. Никитина: Он сразу был профессионалом! И он всю жизнь учился, и продолжает учиться. А я в фортепиане следую. Тем не менее есть во мне какой-то характер, и Сергей и сын к нему прислушиваются. Я могу сказать, что хорошо, что плохо, что патетическое не годится... Иногда спорим. Нет «Александров! Сколько вариантов было?» Если не прислушаешься к тому, что в конце концов получилось. Я сказала: да, вот это да! Иногда в графическом виде песни, представляю мелодии... От конечного слова очень много идет, часто стихи и где-то внутри слышу интонации. Могу сказать, что я помогаю в театрально-артистическом решении того или иного произведения.

«Дело не в сухом расчете,
дело в мировом законе»

С. Никитин: А в чем, собственно, был вопрос про физику и лирику?

Вопрос, связанный с жизненным и профессиональным выбором. О важности получения образования каждым, кто хоть чуточку зачат устройством или начинкой мира, страны, фирмы, отрасли, семьи... В частности, о важности изучения физики-лирики, и наоборот.

Т. Никитина: Физическое образование — это формирование мировоззрения, формирование экологического мышления с миром. Я проработала несколько лет в управленческом аппарате, в частности была заместителем культуры страны — это другая система мышления... А физики могут практически все. Может быть, не все могут сочинять музыку, не все могут литературно оформить свою мысль... Но с точки зрения системного мышления управленческого мышления — физики могут. И развить в себе физики могут очень многое. Конечно, все определяют и способности человека, или его талант.

Вы спросили о профессии. Да, что Сергей не стал членом Союза композиторов, это вопрос только его внутренней свободы. Сергей — профессиональный композитор, без вопросов. Стала ли я профессионалом? Нет! У меня нет уверенности в себе, и дрожь в коленках не проходит перед выходом на сцену по время спеть или концертов. Зал может вольить из под ног...

А Вы тогда, когда работали в управленческом аппарате?

Т. Никитина: Меньше. Мы были меньше. Одежды не гладили в Израиле приходит записка: «Как Вам не стыдно? Вы — министр, а выступите с концертом...» (заместитель министра культуры РФ с 1992 по 1994 годы — прим. ред.). В Советском Союзе это было невозможно! Заместитель пошла куда-то с концертом или выступать? Как Клинтон, например, который мог выйти и где-то на саксофоне сыграть — это ситуация не из Советского Союза.

«Вот идет по свету человек-чудак»

Вопрос о профессиональном отношении и к нашей, швейцарской действительности. Легенький тезис «любая кухарка может управлять государством» и тема «женского вопроса», то есть сам вопрос не о политическом равноправии, а о правах в других областях, даже закрепленных в конституции страны, все еще остается для Швейцарии открытым. Вопрос профессионализма, образования актуален. Очень. Для многих русскоговорящих, здесь живущих. Что есть профессионализм?

С. Никитин: В чем успех Татьяны на посту министра новостей? В той обстановке, когда людьми руководят личные интересы, когда приходит человек с нормальным здравым смыслом и пытается применить

Фото Олимпиады Нестроевой

www.alolimpiad.ru